

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

ВСЕВОЛОД ТИХОНОВИЧ,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Миллениум: социальное время в образах массового сознания

Abstract

A border-line between the II and III millennia has been discussed not only as chronological and calendar event but as the socio-cultural phenomenon of world-wide scale which stimulates specific processes in mass consciousness. There have been analyzed the social time notion and dynamics, inter-connections between the past, the present and the future in people's views under conditions of long lasting social crisis. There have been presented the data of empirical research on historical memory of population, social and time self-identification of respondents; there was studied statistical dependence of image characteristics related to the future and personal everyday life.

Рубеж тысячелетий, без преувеличения, отмечен поистине планетарным масштабом социально-психологической рефлексии по поводу этого события в жизни человечества, особой акцентуации индивидуального и массового сознания относительно времени человеческой жизни, динамической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Для социологической науки, где проблематика социального времени принадлежит к числу приоритетных направлений исследования, феномен хронологического изменения этапов времени, наступление новой эпохи приобретает особенное значение, учитывая, в частности, то, что в последние годы в адрес “союзной” и украинской социологии можно констатировать скорее сиюмоментный интерес, нежели целенаправленный исследовательский поиск на широком фронте. Затянув-

шийся период всеобщего социокультурного кризиса в обществе непроизвольно вызывает соответствующую концентрацию внимания не только массового сознания, общественного мнения, но и научной общественности на дне нынешнем, тем более, что, как и прежде, “покой нам только снится”.

Феномен миллениума можно рассматривать как специальную проблему в контексте общих представлений о социуме в его пространственно-временных координатах. Не претендуя на всестороннее освещение проблемы социального времени, приведем несколько рассуждений, которые помогут создать по крайней мере схематический образ “временного рубежа” и очертить направления его влияния на массовое сознание.

Прежде всего следует заметить, что образ времени формировался вместе с человеком и даже “внутри” человека. Ощущение времени — это достаточно позднее приобретение человека по сравнению с ощущением пространства. В архаическом сознании “время еще не “отделилось” от событий, от всего того, что составляет будничные заботы и хлопоты” [1, с.88]. Весьма постепенно происходила трансформация палеовремени во время историческое, которое “имеет совершенно иную форму и детерминацию своей ритмики и аритмичности, “рывков” вперед и назад, “провалов” в безвременье смут и иных переходных “интервалов”, что объективно связано с возрастанием возможностей планирования человеческой деятельности и, следовательно, значения прогностических функций цивилизационных систем. От “стянутого в точку” исходное социумное время медленно, но неуклонно разворачивается в “стрелу”, “выпущенную” из прошлого — через настоящее — в будущее” [2, с.65].

Для нас важной является мысль о двух разновидностях времени, которые существуют параллельно и достаточно четко различаются в социальных представлениях. Выясняя этот феномен на примере традиционных обществ, исследователи отмечают, что, к примеру, у африканцев племени кикуйя имеется *sasa*, или конкретное микровремя, которое охватывает все пережитое, прочувствованное, сохраненное в памяти и ожидаемое в будущем, и *замани*, то есть макровремя, то, что давно прошло, время предков и духов, легенд и мифов [3]. В социологии концептуальное освещение этой проблемы находим в феноменологии А.Шюца, который различает “интерсубъективное”, переживаемое человеком “внутри”, и космическое, то есть физическое или “интеробъективное” время. Согласно Шюцу, “Я” действует одновременно как бы в двух планах: во внешнем мире и внутри самого себя. В физическом времени человек выполняет определенные акты, субъективно связывая их с потоком воспоминаний и предвидений, осуществляя переход из субъективного в объективное время. Деятельность субъекта объединяет их в единый поток, который Шюц называет “живым настоящим” [4, с.125].

Обратившись к постулатам рамочного анализа Э.Гоффмана, можно утверждать, что человек всегда существует в конкретном объеме социальной действительности, в определенной “полосе”, то есть последовательности событий (как реальных, так и вымышленных), которые он заносит в “скобки”, фиксируя временные и пространственные координаты своего субъективного пребывания в мире. События всегда входят в наш внутренний мир в “скобках” определенных ограничений, способных коренным образом изменять реальные пространственно-временные измерения окружающего мира, совмещая настоящее с давно минувшим и вообще никогда не происходившим, принимая желаемое за реальное, и т.д. [5, с.50–52].

Таким образом, на уровне личности различные масштабы времени могут совпадать. Мы способны переживать время как в пределах личной жизни, так и в масштабе истории, когда человек ощущает, что исторический процесс осуществляется также и в его собственном времени и пространстве, “здесь” и “теперь”. Поэтому в социуме постоянно происходит как объективное, так и субъективное включение человека в пространственно-временные координаты общества, причем эти процессы особенно усложняются в обществе “позднего модерна”, где, по мнению Э.Гидденса, сложность социального самоопределения усиливается разрывом пространственно-временных координат и места действия личности. Человек, в отличие от традиционного общества, существует не только “здесь” и “теперь”, он принадлежит к глобальному социальному пространству, привнося в свой личностный мир то, что происходит “там” и “тогда” [6].

Не случайно М.Хайдеггер, осмысливая “бытие” и “время”, поместил между этими категориями человека. “Времени нет без человека, — писал он. — Только что означает это “нет без”? — Человек создатель времени или его получатель? — И если второе, то как человек получает время?” Отвечая на эти вопросы, он замечал, что время — это “близость присутствия из настоящего, осуществившегося и будущего”, ибо “в бытии как присутствовании дает о себе знать такая вещь, как время” [7, с.401].

Именно бытие, воплощаемое в череде разнообразных событий, собственно, и представляет социальное время. Для его описания в социологии предложены разные модели. Самой распространенной и наиболее приближенной к традиционному пониманию является линейная модель, по которой время разворачивается от прошлого через настоящее к будущему, и это движение носит непрерывный и необратимый характер. Однако существуют и другие теоретические представления о социальном времени. Это, например, циклическая модель, которая представляет время как замкнутый круг, в котором движение осуществляется в направлении от прошлого к будущему и опять — к прошлому. В модели точечного времени оно сконцентрировано только в настоящем, которое впитывает в себя и прошлое и будущее¹. Известна фазовая модель, основывающаяся на представлении о дискретных, относительно независимых временных фазах: прошлое, настоящее и будущее способны заменять друг друга в любой последовательности [8].

В рамках прогнозирования конкретных социальных процессов используются современные математические модели социального времени, доказывающие, что различные социальные явления можно спрогнозировать с помощью определенных социальных моделей. Так, анализ изменений социальной удовлетворенности показал, что “течение” социального времени в оценках респондентов “осуществляется” от будущего через настоящее к прошлому, причем доминирующая роль в таком взаимодействии принадлежит будущему. Это дает основания утверждать, что метод экстраполяции от прошлого через настоящее к будущему не такой точный, как метод интер-

1

Обзор концепций так называемого презентизма, обусловленного, по мнению польских социологов, трансформационными процессами в обществах в переходной период, см.: *Попова И.М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. — К., 2000. — С. 84–96.

поляции, когда ближайшее будущее прогнозируется по прошлому, настоящему и отдаленному будущему [9, с. 98–101].

Рассматривая эти модели, можно заметить, что время в них все же преимущественно “течет”, даже в дискретной модели фазы замещают друг друга. Вместе с тем вниманием исследователей обойден весьма важный феномен разрывов в пространственно-временных координатах социума. Хотя само по себе время течет непрерывно, субъективно в массовом сознании может царить ощущение “выпадения” из времени. Именно такие ощущения возможны вследствие соединения в сознании разных временных масштабов — индивиды, общности, даже страны могут переживать моменты, когда в общественном сознании преобладает ощущение пребывания вне исторического времени, на обочине мировой цивилизации.

Если подойти к социальному времени с такой точки зрения, можно заметить, что в определенные исторические периоды в траектории социального процесса случаются разрывы. Это периоды войн, революций, распада империй, периоды глубоких общественных трансформаций, которые невольно втягивают в водоворот событий массы людей, независимо от их желания или готовности. Индивидуальная траектория жизни в эти моменты непременно “колеблется” вместе с траекторией жизни общественной, а нередко и разрывается вместе с ней. При этом социальная система может по-разному восстанавливаться после периодов разрыва. Она или возвращается к предыдущим формам существования, вытеснив на какой-то период противоречия, послужившие причиной разрыва, или обновляется, преодолев противоречия, но сохранив при этом основное направление и формы своего развития, или же коренным образом изменяется, обновив фундаментальные принципы своего существования.

Именно такой необратимый характер носят современные изменения в постсоветских обществах. Прошлое, в том виде, в каком оно существовало в советские времена, ушло навсегда. Так же потеряно и будущее, которое представлялось с позиций прежнего мировосприятия. Вместе с тем сегодняшний день не содержит в себе прочной картины будущего. То есть разрыв траектории социального процесса с учетом временной перспективы можно было бы, по мнению академика Д.Львова, охарактеризовать как “безвременье”, которое может длиться десятилетиями, пока не будет выработано новое общее видение перспектив [10, с. 7].

В социологическом и социально-психологическом плане такое массовое ощущение пребывания в “безвременье” является результатом неадекватности временных масштабов, применяемых для оценки моментов разрывов. Что касается пределов страны в целом, то она находится в состоянии изменений, измеряемых общественным, а не индивидуальным временем. Согласно характеристике Л.Гордона и Э.Клопова, основной единицей измерения в этом случае служат не годы, а периоды жизни поколений, кратные десятилетиям; рубежи изменений определяются не конкретными датами, а более или менее широкими временными полосами [11, с. 8]. Вместе с тем люди для оценки событий продолжают применять индивидуальный масштаб, когда будущее ограничено достаточно жесткими временными рамками. В этом, кстати, состоит одно из объяснений существенных отличий в оценке общественных преобразований со стороны молодежи и пожилых людей. Ограниченная индивидуальная временная перспектива

людей преклонного возраста усложняет для них восприятие современной ситуации как потенциально положительной в будущем.

Глубокий социально-экономический и общественно-политический кризис, охвативший СССР в конце 80-х — в начале 90-х годов и приведший к распаду Советского Союза, повлек специфические процессы в общественном сознании, переоценку основоположных советских ценностей, а с ней — места и роли исторических эпох, событий и персоналий, вызвал острый дискурс в научной и политической среде относительно оценки советского социалистического опыта и его перспектив в будущем. В ситуации “встречи времен” полузабытые или неактуальные до сих пор исторические события встали на повестке дня как объекты жестких политических противоборств. Поэтому в социологической литературе это обстоятельство не случайно отразилось прежде всего в обращении к историческому времени, в частности, к исторической памяти как предмету теоретического и эмпирического анализа [12].

Констатируя наличие основательной традиции изучения феномена исторической памяти в российской историко-социологической литературе дореволюционного периода, Ж.Тоценко отмечает, что ныне фундаментальные труды по исторической социологии практически отсутствуют. Кстати заметим, что и в истории украинской общественной мысли имеется ряд значительных и известных в европейских научных кругах имен исследователей, в чьем творчестве органически сопряжены исторический и социологический подходы и чье научное наследие по сей день остается весьма актуальным (В.Антонович, М.Драгоманов, М.Ковалевский, М.Грушевский, В.Липинский и др.). Выяснение феномена исторической памяти в широком социологическом и социально-психологическом контексте как составляющей современных социальных процессов должно углубить наши представления о детерминантах общественного, в частности массового, сознания и социального поведения людей, улучшить процесс воспитания нового поколения в системе образовательных учреждений, содействовать формированию социальной солидарности населения различных регионов Украины.

Касаясь теоретических основ концепции исторической памяти, В.Полянский различает основные формы, виды и признаки этого явления [13, с. 17]. Так, со стороны специфических характеристик-признаков историческая память представляет собой волнообразный, динамический процесс, обусловленный течением социальных процессов и социальных изменений в границах настоящего времени. Ей присуща избирательная направленность в каждый конкретный момент исторического времени, когда одни события и ситуации приобретают характер действенных мотиваторов, ценностно-ориентационных установок поведения, психологических депрессантов или компенсаторов социального самочувствия, вплоть до стимуляторов политических кампаний и объектов прагматических спекуляций. Другие же явления исторического времени, которые для своей эпохи, возможно, были определяющими, остаются в исторической тени, чтобы снова возникнуть в общественном сознании при новых, более благоприятных условиях. При чем массовому сознанию присуща тенденция к персонификации исторической памяти и редукцию исторических явлений по отношению к деятельности тех или иных личностей, которые наделяются чертами своеобразных символов эпохи, мифологем и т.п. Существуют субъекты — индивидуальные и групповые носители исторической памяти. В.Полянский различает

также этнический, социальный, политический, социокультурный, конфессиональный виды исторической памяти [см.: 13].

Как и любая типология, приведенная попытка различения характеристик явления исторической памяти имеет свои ограничения относительно предмета и цели исследования. В нашем случае важно подчеркнуть роль исторической памяти при выяснении современных идентификационных и адаптивных процессов в обществе, которые в кризисных условиях становятся первостепенными. Утрата социальной идентичности субъекта — определяющая черта социокультурного кризиса в его личностном измерении. Рубежный характер текущего периода побуждает к постижению длительного временного масштаба общественной и индивидуальной рефлексии относительно прошлого, настоящего и будущего в измерениях человеческой жизни.

С этой точки зрения продуктивными представляются концепции, которые формируются на стыке проблематики социального и психологического времени. Анализируя, в частности, событийную концепцию психологического времени, Е. Головаха и А. Кроник отмечают, что исходным для нее является положение, согласно которому особенности психического отражения человеком времени, его скорости, насыщенности, продолжительности зависят от числа и интенсивности происходящих в жизни событий, — изменений во внешней среде (природной и социальной), во внутреннем мире человека (мыслях и чувствах). Объективная хронология времени опосредуется социальной значимостью событий, происходящих в данный период, что и обуславливает особенности субъективного отношения к определенному периоду в жизни и специфику психологического времени личности [14, с. 14, 29–30].

Приведенная закономерность, вне сомнения, распространяется и на массовое сознание общества, причем к собственно личностным феноменам здесь добавляются факторы внутригруппового и межгруппового взаимодействия, традиции, социальные и этнические стереотипы, мифологемы, архетипы и пр. Обращенность в прошлое и взгляд в будущее опосредуются социетальной актуализацией образов тех или иных социальных, экономических, политических, культурных ценностей. Феномен 2000 года в этой связи выступает как общественное событие-образ, фиксирующее разрыв временной повседневности жизни. Повседневная жизнь, будничные и обычные мир воспринимаются как таковые именно благодаря возможности их разрыва “упорядоченной суетой” праздников (Э. Дюркгейм). Рубеж тысячелетий в определенной мере символизирует границу между знакомым, освоенным в исторической памяти миром прошлого и миром будущего, несущего отпечаток таинственности и непредсказуемости. Но именно на стыке времен человек оказывается в уникальной ситуации, когда способен заметить, что “он есть *тут вот и сей час*, что он попал в *историю*, что с ним случилось *бытие*” [15, с. 110].

Это создает особую атмосферу ожидания перемен, которые одновременно и привлекают и тревожат. Характеризуя такое состояние, Й. Хейзинга отмечает: “Идея о том, что наш мир (как бы велик или мал он не был) находится в опасности, что ему угрожает закат или гибель, живо присутствует в самые разные эпохи. Как правило, эта идея выражалась в ожидании близящегося “конца света” В той мере, однако, в коей ожидание “конца света” и “страшного суда” еще оставляло место для земных треволнений, предчувств-

вие неизбежной гибели выражало себя в неясном страхе, отчасти изливающегося ненавистью на те силы, коим приписывалась вина во всех земных напастях, будь то злые люди вообще либо еретики, ведьмы и колдуны, богатые, советники короля, аристократы, иезуиты, франкмасоны — смотря по преобладающей тенденции каждой эпохи” 16, с. 248]. Хейзинга рассматривает разрывы исторического процесса в моменты интенсивных культурных поворотов, которыми считает, к примеру, переход от Древнего мира к Средневековью, от Средних веков к Новому времени, потом от XVIII к XIX столетию и, наконец, к столетию XX. Совершенно правомерно продолжить этот ряд переходом от второго к третьему тысячелетию.

Сравнивая такие переходные периоды, Хейзинга пишет о новом, не известном ранее элементе кризисного сознания современной эпохи. На смену наивным ожиданиям прекрасного будущего, которое наступит вследствие молниеносного переворота, пришло убеждение в том, что всякий кризис является только фазой поступательного и необратимого процесса, что “нам некуда отступать, мы должны *пройти через это*” [16, с. 250]. То есть массовое сознание не просто фиксирует рубежные даты, но и содержит определенные модели реагирования на ситуации, сложившиеся в течение исторического времени.

Выяснению эмпирической картины состояния массового сознания в рамках очерченного предмета был посвящен всеукраинский опрос населения, проведенный методом стандартизированного интервью по нашей программе службой “Социс-Гэллуп” в 1995, 1998, 1999 годах (выборка репрезентативна по признакам пола, возраста и образования населения Украины, N = 1200; области Украины сгруппированы по регионам — Центр, Восток, Юг, Запад).

Публикация статьи московского коллеги Л.Гудкова, посвященной проблемам исторического времени [17], побудила нас осуществить в первую очередь сравнительный анализ эмпирической информации в российском и украинском вариантах. При этом оговоримся: перечень исторических событий в российском исследовании является результатом репрезентативного опроса населения России по программе ВЦИОМ 1989–1996 годов (см. табл. 1). Респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос о самых важных событиях в истории России. Поскольку данные опроса свидетельствовали, что массовое сознание населения не удерживает ничего исторически содержательного, что выходило бы дальше предреволюционных лет, в статье Л.Гудкова приводится наиболее значимая часть общего рейтинга событий, которым мы воспользовались для сравнения. В список внесены события советского и постсоветского периодов (наш опрос проводился в июне 1999 года).

Данные табл. 1 показывают, что, во-первых, в исторической памяти населения обеих стран содержится сходная конфигурация рейтинга важнейших событий XX века, имевших место на территории СССР. Разница приоритетов, там, где она есть, не превышает одного-двух пунктов. В процентном соотношении почти тождественным оказалось количество выборов таких событий, как гражданская война, коллективизация, репрессии 30-х годов, победа в Великой Отечественной войне, XX съезд КПСС. В России несколько выше оценивают значение Октябрьской революции, полет Ю.Гагарина; в Украине, напротив, большее значение уделяют войне в Афганистане, “перестроечным” временам, распаду СССР. Отметим также

существенное отличие (Украина — 57%, Россия — 34%) в оценках аварии на Чернобыльской АЭС как события в масштабах СССР. Именно в этом территориальном контексте такое различие понятно, поскольку чернобыльская беда коснулась сравнительно небольшой части территории России, а опрос проводился по стране в целом, и в частности в отдаленных ее регионах.

Таблица 1

Какие из названных событий, по Вашему мнению, были самыми важными в XX веке для СССР?

Исторические события	Оценка населением Украины		Оценка населением России	
	%	Ранг	%	Ранг
Октябрьская революция	37	4	49	2
Гражданская война 1918–1920 годов	10	11	11	9
Коллективизация	9	12	8	10
Массовые репрессии 30-х годов	18	8	18	7
Победа в Великой Отечественной войне	77	1	73	1
Создание социалистического лагеря в Европе	6	13	4	14
XX съезд КПСС	4	14	5	13
Полет Ю.Гагарина	27	6	32	5
Война в Афганистане	36	5	24	6
Авария на Чернобыльской АЭС	57	3	34	4
Перестройка времен Горбачева	23	7	16	8
Распад СССР	64	2	40	3
Крах социалистического лагеря	17	9	6	11–12
Экономические реформы 90-х годов	13	10	6	11–12

Анализируя с качественной стороны общую картину исторической памяти населения России на основании данных опроса, Л.Гудков отмечает тенденцию существенного преобладания негативных событий. Важнейшим элементом положительной коллективной идентификации в России является победа в Великой Отечественной войне. Это единственная положительная точка опоры национального самосознания народа, причем истолкование последствий этого события в массовом сознании обращено прежде всего к прошлому (разгром гитлеровской Германии) и мало сориентировано на результаты, обращенные в современность и будущее.

Победа в Великой Отечественной войне выступает доминантой рейтинга и в украинском варианте (относительно СССР). Несколько выше по сравнению с Россией оцениваются перестройка времен Горбачева и экономические реформы 90-х годов. Весомым является отличие оценок распада СССР (64% и 40% соответственно). Мотивация выбора здесь наверняка по большей части разная, ведь это событие, в зависимости от политических, геополитических, этнонациональных и других ориентаций респондентов можно оценивать и как негативное (распад супердержавы, потеря территории, падение политического авторитета и роли в мире), и как положительное (возможность обретения государственной независимости бывшими республиками СССР, выхода в качестве субъекта политики на мировую арену и пр.).

Здесь, как и в некоторых других случаях, обнаруживается проблема истолкования содержания исторического события, его неоднозначности,

связи исторической памяти субъекта с его внутренней, осознаваемой и неосознаваемой картиной современного мира, а также временной перспективой относительно будущего. В каждом отдельном случае эта проблема должна решаться в зависимости от теоретической парадигмы соответствующей науки. С социологических позиций, содержание исторической памяти субъекта, опосредованное, в частности, социально-психологическими феноменами, предстает в качестве мотиватора социальных ориентаций людей и их социального поведения.

В свое время (1914–1918 годы) на проблему оценки исторического значения такого события, как Первая мировая война, обратил внимание Н. Бердяев [18]. Анализируя характер отражения войны в общественном мнении России этого периода, Бердяев оценил его как “кризис интеллигентского сознания”, вызванный традиционной привычкой русских интеллигентов “все оценивать по своим отвлеченно-социологическим и отвлеченно-моралистическим категориям... Для традиционного интеллигентского сознания существовала ценность добра, справедливости, блага народа, братства народов, но не существовало ценности национальности, занимающей совершенно особенное место в иерархии мировых ценностей. Национальность представлялась не самоценностью, а чем-то подчиненным другим отвлеченным ценностям блага... Последовательно проведенная точка зрения блага людей ведет к отрицанию смысла истории и исторических ценностей, так как ценности исторические предполагают жертву людским благам и людскими поколениями во имя того, что выше блага и счастья людей и их эмпирической жизни” [18, с. 43–45].

Прежде всего обратим в данном случае внимание на специфику употребления Бердяевым понятия “национальность” (в современной парадигме понятий речь, собственно, идет о нации, русской нации, более того, о России, с ее, по мнению Бердяева, особенной ролью в мире). “Россия есть самостоятельная ценность в мире, не растворимая в других ценностях, и эту ценность России нужно донести до божественной жизни” [18, с. 46]. Относительно понятия “социологическое” имеется в виду не содержание, вкладываемое в этот термин современной социологической наукой, а вариант понятий “социальное” и “общественное”. Квинтэссенция же бердяевской концепции относительно оценки содержания исторического события как ценности заключается в ориентации на невозможность рационалистического пояснения этого феномена и необходимость перехода “от исключительно социологического мироощущения к мироощущению космическому” [18, с. 145], собственно, добавим, — символическому.

Дальнейшее углубление в общетеоретический анализ обозначенной проблемы привело бы к отходу от основной темы статьи, тем более, что речь идет о фундаментальном феномене теоретико-гносеологического, в частности аксиологического плана, обращении к концепциям ценностей и антиценностей и т.п. Подчеркнем другое: на уровне массового обыденного сознания при восприятии и оценке общественных событий срабатывают и рационалистические факторы памяти (школьное и вузовское образование, воспитание в семье, собственный жизненный опыт), и иррационально-эмоциональные компоненты, социальные стереотипы, символы и пр. Современное протекание процессов в массовом сознании свидетельствует о разнообразии и разнонаправленности восприятия и непосредственной реальности нашего времени, как и ретроспективных, а также перспективных

сюжетов прошлого и будущего. В рамках социологического анализа проблематики социального времени особо актуальным представляется выяснение корреляционных связей между содержанием исторической памяти субъекта и его ориентациями относительно современных событий и образа жизни будущего.

Итак, продолжим анализ эмпирической картины исторической памяти как феномена массового сознания (см. табл. 2). В данном случае респондентам предлагалось выбрать (не более пяти позиций) в списке важнейших событий XX века, отразившихся на судьбе Украины (июньский опрос 1999 года).

Приведенный перечень, заданный программой исследования, несколько отличается от содержащегося в табл. 1, хотя большинство событий сохранено; расширение произошло частично за счет “всесоюзных” событий, которые, однако, не попали в перечень важнейших в российском опросе (смерть Сталина, индустриализация страны), дополнительно включены также “собственно украинские” события: провозглашение УНР и ЗУНР в 1918 году, голодомор 1932–1933 годов, воссоединение украинских земель в 1939–1945 годах, провозглашение государственной независимости Украины в 1991 году. Поэтому при сравнении данных обеих таблиц следует иметь в виду скорее качественную логику выборов респондентов, нежели их количественное соотношение относительно Украины и СССР, хотя и последнее вполне допустимо.

Таблица 2

Какие из названных событий были самыми важными в XX веке для Украины? (% к общему количеству опрошенных, N = 1200)

Исторические события	%
Авария на Чернобыльской АЭС	71
Великая Отечественная война	60
Распад СССР	47
Голодомор 1932–1933 годов	44
Провозглашение государственной независимости Украины в 1991 году	43
Октябрьская революция	20
Перестройка времен Горбачева	18
Массовые репрессии 30-х годов	18
Провозглашение УНР и ЗУНР в 1918 году	15
Воссоединение украинских земель в УССР в 1939–1945 годах	13
Экономические реформы 90-х годов	13
Смерть Сталина	9
Коллективизация	8
Гражданская война 1918–1920 годов	8
Индустриализация	4
XX съезд КПСС	2

В табл. 2 обращает на себя внимание, пожалуй, неожиданная, самая высокая позиция в рейтинге аварии на Чернобыльской АЭС. Она даже “опережает” Великую Отечественную войну (соответственно 71% и 60%). Далее опять драматические события распада СССР и голодомора 1932–1933 годов. Однако высший блок рейтинга завершает такое позитивное государст-

венническое (правда, не для всех) событие, как провозглашение государственной независимости Украины.

Остальные события набирают голоса только в пределах второго десятка, а то и меньше процентов выборов. Причем их историческая удаленность от современности различна, обычный феномен забывания-запоминания здесь не срабатывает. Поэтому обратимся к анализу связей выборов респондентов и их социо-демографических характеристик.

Прежде всего отметим активную солидарность выборов первых четырех позиций респондентами всех уровней образования — от начального до высшего. Относительно независимости Украины (пятая позиция) имеется существенное различие между группой респондентов с начальным и неполным средним образованием (далее для удобства будем называть их “низшая группа”) и группой опрошенных с высшим образованием (соответственно 39% и 55%). Кстати, подобная зависимость зафиксирована и относительно провозглашения УНР и ЗУНР (13% и 19%). Остальные позиции рейтинга оцениваются довольно солидарно. То есть в общем соподчиненность оценок исторических событий в образовательных группах достаточно типична, уровень образования не является фактором, обуславливающим существенное различие оценок и их логику.

Преобладают солидарные оценки и в возрастных группах. Исключения наблюдаем относительно Великой Отечественной войны, менее актуальной для молодежи в возрасте 18–25 лет (52%, по общей выборке 60%), распада СССР (соответственно 39% и 47%). В то же время для молодежи важнее государственнические события: провозглашение УНР и ЗУНР — 23% (выборка — 15%), провозглашение государственной независимости Украины — соответственно 50% и 43%.

Совсем иная ситуация наблюдается в регионально-статистических группах распределений.

Межрегиональная согласованность оценок присуща только событиям коллективизации, индустриализации страны и XX съезда КПСС. Для Востока и Юга характерна большая значимость событий собственно советской истории (гражданская и Великая Отечественная войны, смерть Сталина, распад СССР). Запад, напротив, сориентирован на повышенную оценку провозглашения УНР и ЗУНР (30%, выборка — 15%), провозглашения государственной независимости Украины (соответственно 58% и 43%), воссоединения украинских земель (22% и 13%). Отметим, что массовые репрессии 30-х годов, к которым Запад практически не имел отношения или “захватил” их в самом конце десятилетия, наиболее актуальны именно здесь (27%, по выборке 18%, на Юге — 9%). Центр Украины преимущественно занимает “центристскую” позицию и отличается лишь самой низкой оценкой смерти Сталина (5%, по выборке — 9%, на Юге — 20%).

Вызывает беспокойство самая низкая оценка на Западе экономических реформ 90-х годов (7%, по выборке — 13%). Принимая во внимание общую традиционную сориентированность массового сознания населения западных областей “на Европу”, в этом факте наглядно отражается разочарование общественного мнения реальными сдвигами в экономике, нереализованность социальных ожиданий начала 90-х годов, затянувшаяся хозяйственная стагнация.

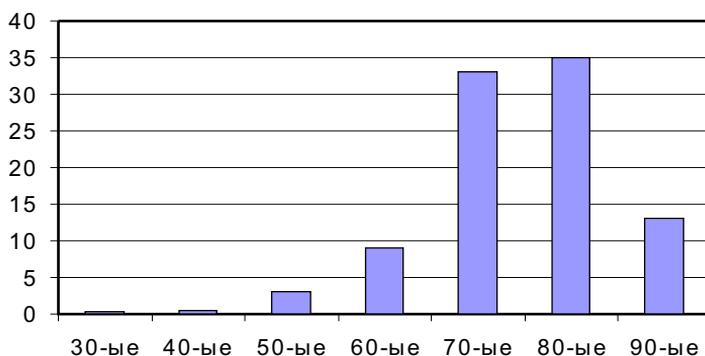
В приведенных оценках исторических событий XX века непосредственно не фиксируется феномен личной причастности респондента к исто-

рическому процессу, хотя процесс индивидуальной социализации и самоидентификации личности невозможно представить без обращения к истории страны, региона и собственной семьи.

Разнообразие событий общественного и биографического содержания на уровне индивидуального сознания обуславливает их психологическую генерализацию (термин С.Рубинштейна) в определенных временных рамках. В контексте нашего исследования мы обратились к персонификации исторического времени с помощью образа “мое время”, то есть субъективного обозначения (выбора) из собственного жизненного пути определенного периода (в данном случае десятилетия жизни), которое можно оценить как наиболее благоприятное, созвучное личным ориентациям и ожиданиям, с одной стороны, и наиболее результативное, учитывая условия, способы и итоги самореализации личности, с другой (вопрос анкеты: “О каком из перечисленных десятилетий Вы можете сказать: “Это было мое время”. То есть, о каком из них у Вас самые значимые впечатления?”). Иными словами, речь идет о самоидентификации личности относительно определенного периода собственной жизни, который можно соотнести с отрезком общественного социального времени и событиями, происходившими в этот период. Респонденты должны были определиться относительно десятилетий от тридцатых годов (начала сознательной жизни самых старших из них, их детства) до общих для всех девяностых (см. гистограмму).

Подчеркнем, что, по определению, восприятие и интерпретация человеком собственного времени жизни — это глубоко индивидуализированный, неповторимый феномен. В художественной литературе и искусстве создано огромное количество поэтических образов времени, в которых проявляется “Я” автора и толкование им и его героями определенной эпохи (“сороковые роковые” у Д.Самойлова). Однако социологический аспект проблемы предусматривает выяснение такого образа времени, в котором концентрируются самые распространенные тенденции и черты восприятия (или невосприятия), переживания людьми своей эпохи, способ наложения в исторической памяти и воспроизведения в ней тех или иных событий, а также степень акцентуации их в массовом сознании. Причем ход этих процессов существенно зависит от общего социального и психологического климата в обществе, уровня стабильности или нестабильности системы общественных отношений и условий жизни в целом.

Гистограмма оценок десятилетий по показателю “мое время”
(% к общему количеству опрошенных, N = 1200)

Тридцатые–пятидесятые годы почти отсутствуют в актуальной памяти населения. Более или менее значимый выбор начинается с 60-х (9% всех опрошенных). Основная нагрузка приходится на 70-е (33%) и 80-е (35%) годы. Девяностые выбрали всего 13% респондентов, 6% опрошенных затруднились с ответом. Пятидесятые выбирают 16% среди самых старших респондентов (66 лет и более). Это единственная возрастная группа, которая ощутило выделила такой временной отрезок. Заметим, что относительно всей выборки здесь сказывается и чисто биологический фактор: давность периода и соответствующие даты рождения в других группах (правда, 5% респондентов в возрасте 56–65 лет также назвали это десятилетие).

Активизация выборов начинается с 60-х годов (в десятилетних интервалах возрастной шкалы от 46-ти до 75-ти лет этот период выбрал каждый пятый респондент). Пик солидарных выборов в возрастных группах от 36-ти до 75-ти лет приходится на семидесятые годы (от 41% до 54% выборов). Восемидесятые годы набирают вес вследствие активности респондентов в диапазоне возрастных групп от 18-ти до 35-ти лет, то есть преимущественно молодежи, содержательный выбор которой объективно ограничен еще весьма короткой по времени жизнью, поэтому о прочной временной идентификации молодежи тут можно говорить только условно. Девяностые годы, за некоторыми спорадическими исключениями в других группах, выбирает только молодежь в возрасте 18-25 лет (46% в этой группе, тогда как 15% респондентов здесь еще не смогли определиться).

По признаку образования относительно ориентации на 70-тые годы отличается низшая образовательная группа (43%, по выборке 33%), а на 80-е — респонденты с общим средним и средним специальным образованием (46% и 44% соответственно; выборка — 35%). Девяностые несколько привлекательнее для представителей средних образовательных групп и людей с высшим образованием (примерно по 18%) по сравнению с низшей группой (6%).

Какие выводы можно сделать на основании приведенной эмпирической информации? В рамках проблематики психологического времени уместно принять во внимание то, что для определенной части респондентов подтверждается чисто психологическая закономерность ностальгической романтизации детских лет, юности или среднего возраста. Тем не менее наиболее рельефной представляется картина десятилетий в социологическом и социально-психологическом ее аспекте как противопоставление 70-тых (отчасти 80-тых) и 90-тых годов. С одной стороны, застойно-стабильная, предсказуемая “брежневская” эпоха, с другой — драматически напряженные, слишком противоречивые и непрогнозируемые девяностые. Временная самоидентификация в значительной мере лишена индивидуализированных черт, которые удостоверяли бы реальное расширение пространства жизни на рубеже веков, возможности самореализации личности, усвоение и преобразование условий жизни в соответствии с собственными предпочтениями и ценностями. Опосредствованно такой выбор является референтом весьма распространенного ныне пессимистического социального самочувствия населения.

Ход политических кампаний последних лет в Украине, в частности избирательной президентской кампании 1999 года, фиксирует наличие в массовом сознании устоявшихся стереотипных ориентаций консервативного и реставрационного содержания. Затянувшийся социокультурный

кризис обуславливает вынужденное сравнение минувших времен с современной ситуацией “стабильной нестабильности”, когда ухудшение материальных условий жизни переплетено с зыбкостью, непрозрачностью жизненной перспективы многих людей; торможение социально-экономических реформ приводит к потере доверия населения государственным институтам, а вместе с ними и к тем новым формам индивидуальной и групповой инициативы, которые, казалось бы, могли вывести страну и общество на новые рубежи. Следует учитывать и то, что сегодня, как никогда ранее, ситуативность социального процесса, динамизм изменений в различных сферах жизни перегружают и тормозят адекватное восприятие и оценку хода событий, а вместе с ними и адаптацию рядового гражданина к темпу времени. Поэтому мотивационная роль прошлого, частота его присутствия в массовом сознании и в практическом поведении людей заметно выше, чем можно представить во времена “благополучные”, когда, следуя популярному афоризму, трудность заключается в том, что не успеешь привыкнуть к лучшим условиям жизни, как они еще более улучшаются.

Первоочередную роль в современных временных ориентациях играет степень адаптированности-деадаптированности к существующим условиям жизни, интериоризации актуальных жизненных ценностей в психологии личности. Некоторые содержательные тенденции временной инверсии и реставрационных установок населения иллюстрирует табл. 3 (вопрос: “Что из прошлого Вы считали бы необходимым сохранить или восстановить в современной жизни?”).

Таблица 3

Рейтинг консервативно-реставрационных установок населения Украины (% к общему количеству опрошенных, N = 1200)

Объекты оценивания	1995	1999
Дружба народов	51	57
Государственная собственность на средства производства	16	23
СССР как единое государство	28	28
Советская власть	8	12
Военное могущество страны	18	26
Руководящая роль коммунистической партии	3	5
Бывшие государственные символы УССР (герб, гимн, флаг)	3	3
Ничего из перечисленного не хотел бы сохранять или восстанавливать	15	13
Затрудняюсь ответить	14	7

Укажем на некоторые общие особенности проведенного мониторинга. Во-первых, это устойчивость оценок таких объектов, как дружба народов, СССР, роль коммунистической партии, государственные символы, которые на протяжении четырех лет практически не изменились, или изменились незначительно. Во-вторых, наблюдаем “полевение” ориентаций, которое обнаружилось в более высокой в 1999 году оценке государственной собственности на средства производства и советской власти. В-третьих, существенно уменьшилось количество респондентов, которые не смогли определиться в своем отношении к предложенным объектам (14% в 1995 году против 7% в 1999). Наконец, специфическим объектом оценки является военная мощь страны (18% и 26% соответственно), поскольку свиде-

тельствует об усилении идентификационных ориентаций относительно армии как институционализованного атрибута независимого государства, вынужденного заботиться о собственной безопасности.

Фиксируем также определенную тенденцию к реставрации известного из советской истории лозунга “советы без коммунистов” и своеобразии соотношения оценок таких объектов, как СССР и коммунистическая партия (крайне низкая оценка гипотетической роли партии и довольно ощутимая ориентация на реставрацию СССР). В этой коллизии, вероятно, зафиксировано мотивационное ядро, в частности, электорального поведения той части населения, которая во время выборов ориентируется на кандидатов КПУ, голосуя не столько собственно за партию, сколько за восстановление Советского Союза.

Учитывая сказанное, целесообразным представляется опосредованное сравнение некоторых статистических распределений по позиции “СССР” в таблицах 2 и 3.

По признаку образования распад СССР как важное событие XX века респонденты оценивают достаточно солидарно (47% всех опрошенных); на его реставрацию сориентированы 28% всех респондентов, причем по уровню образования различаются полюса: низшая образовательная группа (32%) и группа высшего образования (23%). По возрастному признаку имеем такое соотношение: распад СССР наиболее актуален для средних поколений (в пределах 50%, а для молодежи в возрасте до 26 лет — 39%); на его восстановление более всего надеются в самой старшей возрастной группе (43%) при линейном возрастании выборов, начиная с 17% у молодежи.

Следовательно, относительно оценки распада СССР фактором дифференциации выступает возраст (самые высокие оценки у представителей средних поколений, самые низкие — у молодежи) при нейтральности признака уровня образования. Относительно же его восстановления респонденты разъединены и по уровню образования, и по возрасту (наиболее акцентированы люди самого старшего возраста с самым низким образованием). Словом, перспектива массовой поддержки восстановления СССР со стороны населения Украины призрачна.

Что касается остальных объектов, помещенных в табл.3, то устойчивая массовая ориентация на дружбу народов отчасти как на идеологему советских времен, а в большинстве своем как на своеобразно интерпретированную в духе “пролетарского интернационализма” общечеловеческую ценность социальной толерантности и солидарности, представляется закономерной и актуальной, учитывая известные ситуации межэтнических конфликтов на просторах СНГ и, в частности, в России. Не требует особых комментариев и ситуация в экономической сфере. Она является следствием разочарований в инновациях 90-х годов, которые оказались псевдоценностями в силу бюрократического их выхолащивания, а то и сознательной дискредитации со стороны различных ветвей власти и криминальных группировок.

В такой ситуации, разумеется, следовало ожидать специфической реакции массового сознания населения Украины на неординарное событие — сопряжение веков и тысячелетий. Образ временного рубежа в массовом сознании обладает свойствами хронотопа, основная характеристика которого — единство и взаимопереход временных и пространственных характеристик. Подобный взаимопереход вообще можно рассматривать как атрибут человеческой активности. Свойства хронотопа имеет культурно-

историческое развитие человечества (социокультурное пространство у П.Флоренского, литературно-художественный хронотоп у М.Бахтина). Сквозь призму этого понятия можно рассматривать и социум. Скажем, анализируя ситуацию в постсоветских странах, исследователи отмечают, что она “не столько открывала возможности воспроизводства и усовершенствования социального хронотопа..., сколько скрывала их. Социальное время и социальное пространство “скукожились” до масштабов локальных конфликтов..., шоковых событий” [19, с.13]. Признаки хронотопа присущи и жизнедеятельности конкретного человека. К.Абульханова-Славская рассматривает жизнедеятельность как пространство и масштаб личности, где, собственно, схватывается ее развитие; жизнедеятельность есть также то время, в котором изменяется личность, где происходит раздел на “настоящее”, “прошлое” и “будущее” [20].

Рубеж тысячелетий в планетарном его восприятии характеризует определенный этапный момент в культурно-историческом развитии человечества, когда временное измерение становится главным системообразующим компонентом хронотопа. В хронотопах различного уровня в этот момент происходит переход к единому масштабу времени, возникает уникальная ситуация, когда в массовом сознании различные субъекты жизнедеятельности — человечество в целом, этническая общность, конкретная индивидуальность — рассматриваются в едином историческом масштабе. Индивидуальное будущее осмысливается как составляющая будущего своего народа, своей страны, цивилизации в целом.

Ситуация сопряжения времен имела место во всех странах, где летоисчисление ведется по григорианскому календарю. Тем не менее в силу разных социальных обстоятельств этот феномен ощущался и переживался людьми по-разному. В развитых и благополучных странах дату воспринимали прежде всего как “прерыв повседневности”, как повод для ожидаемого грандиозного праздника: тема миллениума живо обсуждалась всеми средствами массовой информации. К этому событию готовились, без преувеличения, годами. Например, подготовка к празднованиям в Париже продолжалась семь лет, на площадях города даже установили специальные часы, которые отсчитывали дни, часы и секунды, остававшиеся до наступления 2000 года.

Вместе с тем на постсоветском пространстве, и в частности в Украине, тема нового тысячелетия не вызывала какого-то особенного интереса. Людям гораздо больше беспокоили и волновали события, актуальные именно сегодня: президентские выборы, состояние национальной денежной единицы и т.п. То есть совпадение временных масштабов оказалось достаточно сильным в ближней индивидуальной и социальной перспективах и невыразительным в отношении перспективы общеисторической. Такое мировосприятие, когда люди свою собственную жизнь ощущают как неотъемлемую составную часть текущих общественных изменений, является ныне характерной особенностью массового сознания. Причем в нем присутствует и определенный, по преимуществу негативный, образ ближайшего будущего, в котором перспективы индивидуальной жизни тесно связаны с перспективами нашего общества.

В таких условиях пограничный образ нового тысячелетия, в котором исторический масштаб жизни отдельного человека и данной страны актуализируется и сравнивается с историей человечества в целом, призван сыграть определенную положительную роль в формировании образа будущего

в массовом сознании. Хотя реальный положительный эффект такой причастности носит ситуативный характер, сам по себе процесс пересмотра картины мира и осознания новых возможностей жизни в массовом сознании происходит непременно.

В социально-психологическом аспекте рубеж тысячелетий надлежит рассматривать как резонансный феномен, выступающий одновременно и как событие общественной жизни, и как личностное событие в жизни каждого человека. Основным результатом этого взаимодействия является переоценка представлений о возможностях человечества и каждого отдельного человека: они формируются в массовом сознании вследствие переосмысления потенциальных возможностей и восприятия их как реальных. Отдаленные прошлое и будущее актуализируются в настоящем, создавая новые пространственно-временные перспективы, усиливая ощущение непрерывности течения времени. Эта актуализация сопровождается формированием оценок относительно прогнозируемых изменений жизни.

В эмпирическом исследовании феномена 2000 как факта массового сознания современного украинского общества нас прежде всего интересовало то, в какой мере феномен рубежа тысячелетий “вписан” в сознании людей в исторический контекст, насколько связан он с событиями отдаленного исторического прошлого. Респондентов спрашивали, могут ли они назвать событие, от которого ведется отсчет 2000 года? Ответы распределились почти поровну: 48% респондентов связали эту дату с рождением Иисуса Христа, 52% не смогли назвать событие или сделали это неправильно. Еще один вопрос на историческую тему отсылал респондентов к событиям тысячелетней давности. Их просили мысленно перенестись на 1000 лет назад и представить, какой была наша страна в то время. 29% респондентов ответили, что это было довольно известное в Европе государство, 26% представляли его небольшим, малоизвестным княжеством, 11% ответили, что на этой территории жили только разрозненные племена, а 35% избрали вариант “не знаю”. Следовательно, реальное осознание исторического контекста, субъективное владение им незначительное. Далекое историческое прошлое актуализировалось в связи с датой перехода к новому тысячелетию у меньшинства респондентов. Не лишне сделать ударение и на отсутствии у них элементарных знаний из школьной программы.

Тем не менее восприятие и переживание исторических событий и сегодняшнего дня тесно связано не только с опытом прошлого, но и с ожиданиями относительно будущего. По мере приближения 2000 года эта дата привлекала к себе все большее внимание. Если в июне 1998 года ее считали особенной и связывали с ней определенные ожидания 25% опрошенных, то в июне 1999 года такую позицию выразили уже 38% респондентов. И хотя почти половина опрошенных (49%) указали, что для них 2000 год ничем не будет отличаться от остальных, это не означает, что переход через рубеж тысячелетий совсем не влияет на них. Несмотря на собственные беды и проблемы частной жизни, люди подвержены необходимости задумываться не только о будущем своих детей и своей страны, но и о будущем человечества. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: что, по мнению респондентов, способно наиболее существенно повлиять на судьбу человечества в XXI веке (см. табл. 4, июньский опрос 1999 года).

Сразу же заметим, что количество тех, кто затруднился с ответом, оказалось сравнительно незначительным — всего 13%. Большинство опрошенных

имеют определенные соображения относительно перспектив человечества в XXI веке. Причем самые распространенные ожидания имеют оптимистическую направленность. Около половины респондентов (43%) надеются, что в новом веке судьбу человечества будут определять научные открытия, которые сделают возможным преодоление тяжелых болезней и существенно увеличат продолжительность жизни людей. Далее по степени значимости изобретение принципиально новых технологий, способных расширить возможности обеспечения основных потребностей человечества (34%). Ниже расположены наиболее болезненные для массового восприятия негативные факторы. Это прежде всего создание новых видов вооружения, которое будет угрожать существованию всего человечества (25%) и новых технологий, способных спровоцировать экологическую катастрофу на планете (25%).

Таблица 4

Рейтинг оценок факторов влияния на судьбу человечества в XXI веке
(% к общему количеству опрошенных, N = 1200)

Фактор влияния	%	Ранг
Научные открытия, которые позволят исцелять тяжелые болезни и существенно увеличат продолжительность жизни людей	44	1
Изобретение принципиально новых средств, которые увеличат возможность обеспечения основных потребностей человечества	34	2
Создание новых видов вооружения, несущих угрозу существованию человечества	25	3–4
Создание технологий, способных спровоцировать экологическую катастрофу на планете	25	3–4
Политические, религиозные, национальные противостояния, которые смогут повлечь третью мировую войну	19	5
Принципиально новые возможности и средства образования	16	6
Конец света	12	7
Искусственное изменение биологической природы человека, животных, растений	11	8
Объединение всех христианских церквей мира	10	9
Создание всемирного правительства	8	10

Таким образом, в массовом сознании положительные ожидания относительно возможностей человечества разрешать сложные проблемы своего существования преобладают над ожиданиями негативных ситуаций, которые будут выдвигать перед обществом новые проблемы.

Вместе с тем данные исследования четко демонстрируют зависимость ожиданий людей от того, в каких социально-пространственных координатах рассматривается определенное временное измерение. То, что в масштабах человечества считается очень важным, порой утрачивает свою актуальность применительно к Украине, и наоборот. К примеру, ответы на вопрос о том, с чем соотносят респонденты свою оценку жизни нового поколения в Украине в XXI веке, свидетельствуют, что почти половина опрошенных (45%) связывают его с экономическим и социальным подъемом Украины, тогда как вклад в этот процесс достижений науки, техники, медицины весомым считают всего 30% респондентов. Тем не менее в общечеловеческом пространстве значимость последнего фактора намного выше

(43%). А вот экологические проблемы имеют, по мнению респондентов, почти одинаковую актуальность как для человечества в целом (25%), так и для Украины в частности (28%).

Если рассмотреть переживание будущего в координатах личностной жизни людей, нетрудно заметить, что оно определенным образом коррелирует с восприятием будущего своей страны и практически не влияет на восприятие будущего человечества в целом. Данные исследования доказывают, что ныне эмоциональное разнообразие чувств, возникающее у людей при размышлении о своем будущем, тяготеет к двум полюсам. Положительные переживания концентрируются вокруг чувства надежды (52% опрошенных), негативные — вокруг чувства тревоги (51%). Эта палитра личностных переживаний воссоздается и тогда, когда человек размышляет о будущем Украины. Среди респондентов, которые с надеждой думают о своем будущем, 84% также с надеждой смотрят в будущее Украины. Вместе с тем 72% тех, кто с тревогой ожидает свое будущее, так же с тревогой думает о будущем Украины. 21% оптимистов считают, что жизнь нового поколения, родившегося на рубеже веков в Украине, будет гораздо лучше, чем теперь. Среди тех, у кого доминирует ощущение тревоги, таких только 11%.

Эти различные доминанты мировосприятия значимо коррелируют с тем, какие факторы, по мнению респондентов, будут влиять на жизнь нового поколения украинцев. Если среди респондентов с доминированием надежды 54% связывают его с экономическим и социальным подъемом Украины, то среди тех, у кого преобладает чувство тревоги, таких 44%. Люди, надеющиеся на улучшение ситуации, в большей мере склонны связывать его с ростом образованности и профессионального уровня населения (32%), нежели те, кто смотрит в будущее с тревогой (21%).

Широко развернутой в будущее, ярко положительно окрашенной является оценка жизни в XXI веке молодежи, которая видит себя активным творцом этого будущего. Молодежь вообще настроена более оптимистично. Она больше удовлетворена и своей нынешней жизнью. Если в целом по опросу свою жизнь считают нормальной 12% респондентов, то среди молодежи в возрасте до 25 лет таких 33%. В молодежной среде большинство демонстрирует активную жизненную позицию. Здесь преобладают люди, включившиеся в рыночные отношения или ищущие в них свое место (66%) и гораздо меньше тех, кто не желает приспособливаться и живет как придется (20%). Среди молодежи самый низкий процент респондентов, которые не видят для себя в современной жизни ценных возможностей. Молодым не приходится сравнивать, для них настоящее время — это магистраль в будущее, а не дорога, тянущаяся из прошлого. Чем длиннее у человека личная дистанция прошлого, тем сложнее видится ему настоящее время, а следовательно, и перспектива в будущем. Так, среди респондентов в возрасте до 35 лет не видят в современной ситуации ценных возможностей 25% опрошенных, в возрастной группе от 36 до 45 таких уже 36%, среди людей в возрасте от 46 до 55 — 54%, в возрасте от 56 до 65 лет — 62%, а среди представителей более преклонного возраста — 71%.

Рубеж тысячелетий для тех, кому сегодня 18–25 лет, не случайно носит особенный характер. Как необычное воспринимают это событие 42% представителей данной возрастной группы. Для молодежи это зримый образ того, что начинается ее время, ведь он реально означает будущее, которое, согласно крылатому выражению, возводит молодым. Новая эпоха, новые надежды,

ощущение того, что именно молодежь закладывает основы жизни в XXI веке — все это порождает особое восприятие временной границы в молодежной среде. Поэтому не удивительно, что молодые люди гораздо чаще представителей остальных возрастных групп связывают свою оценку жизни в грядущем веке с достижениями науки, техники, медицины и преобладают среди уверенных в том, что поколение родившихся на рубеже веков будет жить лучше, чем сами они сейчас. Сами они также надеются жить лучше, искать возможности улучшать жизнь и находить их, брать на себя ответственность за собственную жизнь и стремиться улучшать жизнь сограждан.

Литература

1. *Иорданский В.Б.* Хаос и гармония. — М., 1981.
2. *Андреев И.Л.* Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти // Вопросы философии. — 1999. — № 4.
3. *Mbiti I.S.* African Religions and Philosophy. — New York; Washington, 1970.
4. *Григорьев Л.Г.* “Социология повседневности” Альфреда Шюца // Социологические исследования. — 1988. — № 2.
5. См.: *Кравченко Е.И.* Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. — М., 1997.
6. *Giddens A.* Modernity and Self Identity. Self and Society in late modern age. — Cambridge, 1991.
7. *Хайдеггер М.* Время и бытие. — М., 1993.
8. *Frazer J.T.* Time: The familiar stranger. — Amherst., 1987; *Loizou A.* The reality of time. — Brookfield, 1986; *Vergote A.* Le temes psychologique // Temps et devenir. — Louvain-de-Neuve, 1984.
9. *Давыдов А.А.* Модель социального времени // Социологические исследования. — 1998. — № 4. — С. 98–102.
10. *Львов Д.С.* Образ новой России — истоки формирования // Вопросы философии. — 1998. — № 4.
11. *Гордон Л.В., Клопов Э.В.* Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени // Социологические исследования. — 1998. — № 1. — С. 8–9.
12. *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Исторический феномен в современном преломлении // Социологические исследования. — 1995. — № 11. — С. 59–62; *Тощенко Ж.Т.* Историческая память и социология // Социологические исследования. — 1998. — № 5. — С. 3–6; *Романовский Н.В.* Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социологические исследования. — 1998. — № 5. — С. 7–13; *Полянский В.С.* Историческая память в этническом самосознании народов // Социологические исследования. — 1999. — № 3. — С. 11–20.
13. *Полянский В.С.* Историческая память в этническом самосознании народов // Социологические исследования. — 1999. — № 3. — С. 11–20.
14. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. — К., 1984.
15. “Бытие и время” Мартина Хайдеггера в философии XX века. Материалы обсуждения // Вопросы философии. — 1998. — № 1. — С. 110–121.
16. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. — М., 1992.
17. *Гудков Л.* Перемога у війні: до соціології одного національного символу // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 3. — С. 33–48.
18. *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М., 1990.
19. *Кемеров В.Е.* Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. — 1999. — № 7. — С. 3–15.
20. *Абульханова-Славская К.А.* О путях построения типологии личности // Психологический журнал. — 1983. — Т.4. — № 1.